

Чжань Цзюцзян, наблюдая за взаимодействием братьев, снова улыбнулся, уголки его глаз слегка приподнялись.

— У вас такие хорошие отношения между братьями. Жаль, что у моего дедушки только один внук, иначе у меня тоже был бы близкий брат!

Он сказал это с легкой завистью, хотя Лян Цзивэнь не почувствовал в его словах особого желания иметь брата.

Неожиданно для себя он сказал:

— Тогда будь моим младшим братом.

После этих слов оба замерли. Лян Цзивэнь удивился, откуда у него взялась такая странная идея, а Чжань Цзюцзян был поражен, что Лян Цзивэнь так легко подхватил его слова.

В конце концов, он был всего лишь десятилетним ребенком и с легкой обидой сказал:

— А ты в каком месяце родился? Может, я старше тебя!

Чжань Цзюцзян никогда не был избалованным ребенком, и он был редким примером ребенка без признаков недоедания. Лян Цзивэнь же, несмотря на то, что его поддерживала духовная вода и он получал некоторые микроэлементы, все же выглядел худым и маленьким из-за постоянного недоедания. Но он был не одинок — большинство людей, как взрослых, так и детей, выглядели так же. Семья Лян была в лучшем положении: каждый день Лян Цзивэнь добавлял в большой бак три порции питательных веществ, каждая из которых обеспечивала взрослого человека микроэлементами на два дня. Поэтому семья Лян выглядела так же сухощаво, как и остальные жители деревни, но их здоровье было значительно лучше.

— Я точно старше тебя, так что скажи, в каком месяце ты родился.

Голос Лян Цзивэня был спокойным, но в его глазах светилась легкая усмешка. Почему-то этот мальчик вызывал у него интерес, и ему хотелось увидеть, как тот сбросит маску вежливости и застенчивости.

— Я родился пятого февраля, а ты?

Чжань Цзюцзян едва сдерживал улыбку. Этот человек был таким неприятным, его улыбка выглядела натянутой и неискренней!

— Я родился третьего февраля, на два дня раньше тебя.

Чжань Цзюцзян больше не мог сдерживаться. Он надул щеки и широко раскрыл глаза, выражая свое недовольство.

Лекарство дедушки Чжань действительно оказалось эффективным. После трех применений через десять дней Лян Цзивэнь уже мог встать с постели. Это было на десять дней раньше, чем предполагали врачи, которые говорили, что ему нужно будет лежать как минимум месяц.

Лян Цзивэнь, поддерживаемый Лян Цзию, вышел на прогулку. Накануне сняли запрет на выход из дома, и дети, которые уже месяц сидели дома, буквально высыпали на улицу. Даже Лян Сысы и Лян Тин рано утром ушли с друзьями, а Лян Цзию встал рано утром и уже в третий раз вышел из дома.

По грязной дороге пробежали несколько детей, громко болтая. Увидев Лян Цзивэня и Лян Цзию, они вдруг замолчали, ускорили шаг и, отойдя подальше, обернулись, смотря на удаляющиеся фигуры с благоговением и страхом.

— Брат Лян Цзию такой страшный! — с тревогой сказал один из детей.

Остальные кивнули.

Несколько дней назад они, как обычно, пришли в дом Лян с жареными бобами, но быстро ушли. Их просто напугали.

Не то чтобы они были трусами, но Лян Цзивэнь был действительно ужасен. Они только зашли, а он уже смотрел на них. Хотя он ничего не делал, его черные глаза и серьезное, бесстрастное лицо вызывали ощущение опасности. И потом... потом они просто убежали!

Терпение Лян Цзивэня было на высоте, но после стольких дней мучений он начал терять его. Да и аппетиты Лян Цзию росли: сначала он просил десять бобов, потом пятнадцать, а затем двадцать. Лян Цзивэнь, видя, как Лян Цзию становится все более самоуверенным и забывает о мере, решил выпустить немного своей энергии. Хотя это была всего лишь капля, ее хватило, чтобы напугать группу детей.

Покупатели разбежались, и Лян Цзию в панике пытался их остановить, но напуганные дети его не слушали. Лян Цзивэнь имел авторитет, а Лян Цзию — нет. Они просто потребовали, чтобы он отошел.

Дети, которые могли принести бобы, были довольно избалованными. В деревне не было много сладостей, и обычно детям давали по несколько жареных бобов в день в качестве перекуса. Обычно это было три-четыре боба, а у щедрых — семь-восемь. Чтобы собрать бобы для «входного билета», им приходилось копить несколько дней. И они не хотели тратить больше бобов, чтобы увидеть пугающего Лян Цзивэня. Ходили слухи, что он показывал фокусы и делал животных из травы, но они не хотели платить больше за то, что их пугало.

— Не уходите так быстро! Мой брат сегодня покажет фокусы, огонь будет прыгать у него на руках, это очень интересно!

Лян Цзию не хотел терять свои бобы и поспешил уговорить их.

Дети заколебались, и Лян Цзию продолжил:

— Давайте просто заглянем, он только что проснулся, так что сейчас точно будет в хорошем настроении!

Дети согласились и, спрятавшись за дверью, осторожно заглянули внутрь.

Лян Цзивэнь сидел на стуле, выпил большую порцию каши и, повернувшись к детям, одним куском откусил две трети большого хлеба, быстро прожевал и проглотил.

Дети замерли, сглатывая слюну, и, отпрянув к стене, один из них сжал кулак и показал, как будто кладет что-то в рот. Даже Лян Цзию был слегка ошеломлен. Хлеб в руках Лян Цзивэня был больше, чем кулак взрослого человека, сделанный из грубой муки, он был большим, твердым и царапал горло. Когда Лян Цзивэнь ел, дети почувствовали, будто он ест их головы.

После этого никакие уговоры Лян Цзию не помогли. Напуганные дети бросились бежать.

Лян Цзию, надув губы, недовольно вернулся в дом.

— Брат, — тихо позвал он, подходя к Лян Цзивэню.

Лян Цзивэнь знал, что он был недоволен, но не стал говорить об этом прямо, а спросил:

— Сколько бобов ты собрал за этот месяц?

Лян Цзию, хотя и был немного обижен на брата, все же уважал его и, услышав вопрос, сразу начал считать на пальцах.

Учился он плохо, но с цифрами у него было все в порядке, к тому же он каждый день с удовольствием пересчитывал свои бобы. Поэтому он быстро назвал цифру:

— 1 363.

Затем с досадой добавил:

— Если бы они сегодня принесли бобы, у нас было бы 1 444!

Лян Цзивэнь усмехнулся, глядя на своего брата, который, казалось, не понимал всей серьезности ситуации. Он не имел опыта общения с детьми и знал, что их легко испортить, но не знал, как мягко исправить его поведение. Если бы это было мирное время, Лян Цзивэнь, возможно, поддержал бы Лян Цзию, но времена были другие. Если бы это продолжалось, неизвестно, увидят ли они завтрашний день.

— Когда люди приносят тебе что-то, это их добрая воля, а не обязанность. Дети приходят ко мне, приносят по десять-двадцать бобов, а ты еще и устанавливаешь сумму. Молодец!

Лян Цзивэнь хотел сказать это раньше, но, видя, как Лян Цзию радуется, не мог. Но теперь, когда аппетиты брата росли, а дети начали роптать, он понял, что дальше молчать нельзя.

Лян Цзию, увидев, что брат впервые за долгое время показал эмоции, испугался, но все же упрямо сжал губы. Почему же он должен терять источник еды? Он тоже был недоволен.

— Ты используешь меня как обезьяну, чтобы зарабатывать бобы? Хочешь стать боссом или организовать торговую компанию?

Лян Цзивэнь, видя испуганное выражение лица брата, не смягчился. Лян Цзию был упрямым, и если не сказать ему жестко, он уже завтра снова приведет кучу людей в дом.